

Роза Иерихона.

Въ зналь вѣры въ жизнь вѣчную, въ воскресеніе изъ мертвыхъ, клали на Востокъ въ древности Розу Иерихона въ гроба, въ могилы.

Странно, что назвали розой, да еще розой Иерихона этотъ клубокъ сухихъ и колючихъ стеблей, подобный нашему перекасти-поле, эту пустынную жесткую поросль, встрѣчающуюся только въ каменистыхъ пескахъ ниже Мертваго моря, въ безплодныхъ синайскихъ предгорьяхъ. Но есть преданье, что назвалъ ее такъ самъ Преподобный Савва, избравшій для своей обители страшную Долину Огня и Смерти, нагую и знойную тѣснину, надъ желтыми обрывами которой съ безощадной яркостью вѣчно блещетъ полоса небесной сини: что для него могло быть прекраснѣй и пышнѣ розы, царственнѣй и роскошнѣй садовъ иерихонскихъ, именовавшихся нѣкогда, во времена ихъ ветхозавѣтной славы, Садамъ Господнимъ? Онъ восторженно ухватился за символъ воскресенія, данный ему въ видѣ дикаго и убогаго волчка, и украсилъ его наиболѣе сладчайшими изъ вѣдомыхъ ему земныхъ сравненій.

Ибо онъ, этотъ волчекъ, воистину чудесенъ. Сорванный и унесенный благочестивымъ странникомъ за тысячи верстъ отъ своей родины, онъ многіе годы можетъ лежать сухимъ, сѣрымъ, мертвымъ. Но будучи положенъ въ воду, онъ быстро начинаетъ оживать — зеленѣть, распускаться, давать мелкіе листочки и блѣднорозовый цвѣтъ. И бѣдное человѣческое сердце радуется, утѣшается: нѣтъ въ мірѣ смерти, нѣтъ гибели тому, что было, чѣмъ жилъ и дышалъ когда-то! Нѣтъ

□ разлукъ и потерь, доколѣ жива моя душа, моя Любовь и Память!

Такъ утѣшаюсь и я, воскрешая въ воспоминаніяхъ тѣ далекія свѣтоносныя страны Востока, гдѣ нѣкогда ступала и моя нога, тѣ благословенные дни, когда на полуднѣ стояло солнце моей жизни, когда въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, рука объ руку съ той, кому Богъ судилъ быть моей спутницей до гроба, совершалъ я свое первое дальнее странствованіе, брачное путешествіе, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и паломничествомъ во святую Землю Господа нашего Иисуса Христа. Въ великомъ покоѣ вѣковой тишины и забвенія лежали передъ нами ея палестины — плодоносныя долины Галилеи, кремнистые холмы иудейскіе, соль и жупель Пятиградія. Но была весна, и на всѣхъ путяхъ нашихъ, даже на самыхъ скорбныхъ и суровыхъ, весело и мирно цвѣли все тѣ-же вѣчноюные анемоны и маки, что цвѣли и при Авраамѣ, красовались тѣ-же лиліи полевыхъ и пѣли тѣ-же птицы небесныя, блаженной беззаботности которыхъ учила евангельская притча. И сіяли синимъ эфиромъ неоглядныя солнечныя дачи и только о радости и молодости говорила среди этого простора, свѣта и блеска голубая вуаль пляпки, бѣлое легкое платье...

Роза Иерихона! Въ живую воду сердца, въ чистую влагу любви, печали и нѣжности погружаю я корни и стебли моего прошлаго — и вотъ опять, опять дивно прозябаетъ мой завѣтный злакъ. Отдались, неотвратимый часъ, когда изсякнетъ эта влага, оскудѣетъ и изсохнетъ сердце — и уже навѣки покроетъ прахъ забвенія и тлѣна Розу моего Иерихона.

Ив. Бунинъ.

Русск. артисты за границей.

□
Слѣва на право:

Т. П. Карсавина

О. К. Чехова

С.А.Авивитъ (внизу)
(Моск. театръ Габима)

А. Н. Садовъ
(Моск. гос. опера)

□

Press-Photo News Service.